
МИХАИЛ ДЕЛЯГИН

*доктор экономических наук,
директор Института проблем глобализации*

НОВАЯ БЕЛАРУСЬ ДЛЯ НОВОЙ РОССИИ

Прошлое, настоящее, будущее

В момент распада Советского Союза тогдашняя Белоруссия никак не выделялась из общего круга государств постсоветского пространства. Демократическое движение там было весьма умеренным (и носило, в основном, характер экологической реакции на чернобыльскую катастрофу), антисоветизм и антикоммунизм ограничивались узким слоем интеллигенции и отдельных представителей культуры.

Шушкевич был вполне заурядным, и притом относительно ручным, “демократом”, неразрешимых проблем в отношениях с ним у ельцинского окружения не возникало, и на фоне общего нарастания катастрофических тенденций это привело к тому, что в России просто забыли о Белоруссии.

Собственно, Россия была погружена во внутренние проблемы до такой степени, что забыла обо всем внешнем мире – кроме США, дававших демократическому руководству кредиты и легитимность, и Германии, предоставлявшей гуманитарную помощь. Но о Белоруссии забыли прочнее и глубже, чем о других, потому что она не беспокоила даже такими обыденными для постсоветских демократов вещами, как неадекватность дипломатических представителей и этнические чистки в отношении русских.

Белоруссия ассоциировалась лишь с местом подписания документа об отмене Советского Союза – с Вискулями, но в хаосе начавшихся реформ и распада повседневной жизни это уже не вызывало никаких отрицательных чувств.

Впервые о Беларуси в России вспомнили после победы Лукашенко.

Он был ориентирован на интересы своей страны и уже потому не мог опереться на развитые страны Запада, стремившиеся к обеспечению прибыли для своих корпораций любой ценой. Кроме того, на Запад опирались только что побежденные им противники, коррумпированность и некомпетентность которых и обеспечили Лукашенко приход к власти.

Альтернативной опорой могла быть только Россия.

Кроме того, Лукашенко, вероятно, искренне считал ельцинскую Россию хоть и демократической, и коррумпированной, но все же наследницей Советского Союза, к которой искренне тянулся и которую считал правильным типом государственного устройства, соответствующим потребностям Беларуси.

Поэтому заключение в 1994 году соглашения о создании Союзного государства было, как представляется, заслугой в первую очередь именно Лукашенко.

Для новой российской элиты оно было средством, утоляющим фантомную боль от распада СССР, в том числе и в ее собственных рядах, в то время включавших еще большое число искренних патриотов Советского Союза. (Не-

ненависть к Советскому Союзу как таковому, когда любая интеграция на постсоветском пространстве вызывала отторжение как “шаг к восстановлению СССР”, к концу 1994 года была практически изжита даже среди самых отъявленных российских демократов, остававшихся во власти.)

Но что делать с новым (и, собственно говоря, единственным искренним) союзником, и зачем он нужен правителям России, никто из них не знал – как не знает и по сей день.

Тем не менее отношения новой Беларуси с новой Россией начались именно с Лукашенко, а не с Шушкевича, который воспринимается сегодня как простой наполнитель короткой исторической паузы.

И неосознанный упрек, и неосознанная возможность

Главными вопросами Союзного государства (и в целом отношений с Беларусью) были в 1994 году и остаются до сих пор вопросы о привлекательности России и о реальных гарантиях белорусской элите.

Ведь понятно, что просто в силу различных масштабов двух государств их объединение приведет к доминированию в объединенном государстве российской политики, российских “правил игры”, российских законов и российской элиты.

Откровенная даже не неэффективность, а неадекватность российской политики, ее направленность не на общественные цели, а на личное обогащение бюрократов, причем за счет разрушения общества, не могла привлекать белорусов при Ельцине и продолжает отталкивать их от России при Путине.

Даже малообразованная часть белорусского общества, завидуя “золотому дождю” нефтедолларов, видит, что он приносит не благосостояние большинству, а богатство немногим. И, соответственно, надеяться на рост уровня жизни в результате объединения не приходится, а глядя на соседние регионы России, становится понятно, что надо опасаться падения уровня жизни в результате этого объединения.

При этом простого человеческого порядка, кажущегося белорусам самоочевидным и естественным, в России нет, и никто даже не пытается его создать. При этом российское общество буквально изнемогает под бременем огромного числа проблем – от тотальной коррупции до этнической преступности, которые белорусскому обществу просто неведомы.

Понятно, что объединяться с сумасшедшим коррупционером, не способным наладить собственную жизнь, никому не хочется.

И российская элита, ощущая это подспудное нежелание форсировать интеграционные процессы, страшно обижалась за это на белорусов, но ничего не могла возразить, ибо возражать было попросту нечего.

Вторая проблема была и остается еще более болезненной. Ведь понятно, что белорусская элита, являющаяся полноправной хозяйкой в своей стране, в результате объединения должна передать значительную часть полномочий российской бюрократии.

И дело здесь далеко не только в одном Лукашенко, хотя и для него реальная угроза предательства (а российский МИД заслужил себе славу “похоронной команды” союзников России) является “недостаточно привлекательной” для интеграции с Россией перспективой.

Проблема – в широком слое белорусских руководителей, привыкших жить если и не полностью своим, то, во всяком случае, своим и “батькиным” умом. Добровольная передача ими части власти Кремлю требует не только их согласия с политикой Кремля, которая должна быть как минимум разумна (чего в последние годы нет и в помине), но и обеспечения их собственных интересов – получения ими в результате интеграции чего-то недоступного без этой интеграции. При этом неотъемлемая часть их интересов должна быть надежно гарантирована.

Российская бюрократия не просто не смогла найти решения этой задачи, удовлетворяющего хотя бы часть белорусской элиты, она не смогла даже осознать эту задачу – ни при Ельцине, ни при Путине.

В результате реальная интеграция двух стран за годы существования Союзного государства не продвинулась ни на йоту. Более того, различия между функционирующими экономическими механизмами только выросли.

Последовательное уничтожение институтов демократии, осуществляемое Путиным, и превращение мифа о “суверенной демократии” в реальность демократии “сувенирной”, казалось бы, сблизило политические модели двух государств. Однако принципиальная разница сохранилась: если в Беларуси формальная демократия ограничивается ради обеспечения общественного развития, пусть и не во всем удачного, то в России – ради свободы коррупции и насилия представителей правящей бюрократии.

Эта принципиальная разница мотиваций превращает различия между двумя политическими системами в зияющую пропасть.

Весьма существенно, что все 90-е и 2000-е годы Лукашенко кропотливо восстанавливал рациональный экономический порядок. При этом он виртуозно вытягивал из российской бюрократии разнообразие преференции, но использовал их значительно более эффективно и в хозяйственном, и в социальном плане. В результате Беларусь, несмотря на все пропагандистские усилия, стала восприниматься россиянами не просто как дружественная, но и несравнимо более благополучная, чем сама Россия, территория.

Это породило еще одну преграду для интеграции.

В 1999 году, когда в России после отставки Примакова разразился глубокий политический кризис, всерьез обсуждались варианты сохранения Ельцина у власти при помощи наполнения каркаса Союзного государства реальным содержанием. Однако российская элита уже к тому времени поняла, что выборы руководителя Союзного государства приведут к сокрушительной победе Лукашенко над любым ее представителем.

С другой стороны, некоррупционность белорусского государства (так, едва ли не основная проблема директоров белорусских заводов при торговле с Россией – неумение давать взятки) означала и некоррупционность органов безопасности.

При некоррупционности белорусского КГБ и высоком уважении российского общества к политике Лукашенко превращение его во второе лицо объединенного государства делало практически неминуемым его достаточно быстрое превращение в первое лицо – даже против его собственной воли.

Понятно, что пойти на это российская бюрократия не могла.

* * *

Беларусь все больше становится для российского общества подлинной “другой Россией”, реализацией упущенной исторической альтернативы – не демократичной, не либеральной и во многом не рыночной, но значительно более справедливой и эффективной, а значит, и привлекательной.

Она показывает, что можно жить не по-ельцински и не по-путински, не обманывая, не воруя и при этом на деле, а не на словах реализуя общественные интересы даже при скудости ресурсов, достаточно высокой бюрократизации и советском по стилю ограничении инициативы.

Тем самым Беларусь самым фактом своего существования становится все большей угрозой для правящей Россией бюрократии – и, естественно, это вызывает агрессию со стороны последней.

При Ельцине она ограничивалась повторением западной критики Лукашенко за недемократичность, а при Путине дополнилась вполне конкретными мерами.

Прибыль “Газпрома” или интересы России

С приходом к власти Путина все проблемы двусторонних отношений сохранились без изменения и, более того, были усугублены личной несовместимостью двух лидеров – причем даже не столько психологической, сколько социальной. Поскольку внешняя политика давно заменена в России эмоциями первого лица, эта несовместимость сделала реальную интеграцию невозможной.

Осознав это, Лукашенко взял курс на создание не только белорусской государственности, но и белорусской нации. Он понял, что при Путине и его преемниках Россия не друг, но лишь ситуативный партнер Беларуси.

Путин же начал с попытки углубить интеграцию. На уровне обещаний дело дошло довольно далеко: формально стороны договорились о введении общей валюты в 2005 году. Но никаких попыток решения принципиальных вопросов – по вполне объективно изложенным выше причинам – сделано так и не было, и обещания остались обещаниями.

Следующим этапом отношений стало повышение цен на газ и нефть: по Беларуси был нанесен тот же удар, что и по остальным странам СНГ и по самой России. Его смысл банален: столкнувшись с нехваткой газа на экспорт в Евросоюз, “Газпром” предпочел не наращивать добычу, а сократить потребление в СНГ и в России – за счет резкого повышения цен.

Логика “Газпрома” и, возможно, правящих Россией его неформальных хозяев людоедски проста. Если потребители смогут адаптироваться к повышению цен, “Газпром” получит от них ту же прибыль, что и от экспорта в Евросоюз (не случайно к 2011 году намечено довести внутренние цены на газ до среднеевропейских – за вычетом налогов и транспортных издержек), если они погибнут – “Газпром” сэкономит газ, который можно будет направить в Европу.

Правящая Россией бюрократия, оказавшись не в состоянии не то что решить, а даже поставить политическую проблему выстраивания отношений с Беларусью, решила проблему низведением уровня отношений на несравнимо более примитивный – коммерческий уровень.

Весьма характерно, что Беларусь на этот уровень так и не опустилась. Грозя целым набором ответных мер, включающим закрытие под видом ремонта железной дороги в Калининградскую область и разрушение находящейся в Беларуси части военной инфраструктуры России (а высказывались и более серьезные угрозы), Лукашенко не пошел на реализацию этих угроз даже в чрезвычайных ситуациях.

Его позиция, насколько можно понять, заключалась в поддержании баланса между Россией и Западом и в ожидании изменения глобальной ситуации, которая дала бы ему рычаги влияния на российскую бюрократию.

Ждать пришлось недолго: планы размещения элементов системы ПРО в Восточной Европе и развертывание там наступательных видов вооружений вызвали в России планы развертывания ракет малой и средней дальности. Беларусь оказалась идеальной площадкой для их размещения – и “прощальный визит” Путина в Минск оказался наиболее плодотворным во всей истории двусторонних контактов 2000-х годов.

Однако нерешенность стратегических вопросов не может быть подменена тактическим согласием. Стратегия “дорогого газа” продолжает реализовываться в отношении Беларуси (как и самой России) просто немного медленнее, чем предполагалось, и продолжает разрушать белорусскую экономику и белорусское общество. Она уже вынудила отмену социальных льгот, что крайне болезненно для Беларуси. Угроза дестабилизации, пусть даже и потенциальная, объективно толкает белорусское руководство на решительные действия.

Одним из возможных шагов может стать транзитный союз двух стран, пострадавших от давления “Газпрома” и путинской бюрократии, Беларуси и Украины. Объективно этот союз будет направлен против России. Однако не стоит забывать, что нефтедоллары лишь в незначительной степени доходят до населения и в основном служат правящей бюрократии и приближенным к ней бизнесменам. Поэтому даже полное прекращение российского экспорта энергоносителей в Европу, которое может стать результатом деятельности такого транзитного союза, по крайней мере, в случае доминирования в нем Тимошенко, нанесет удар не столько по России, сколько по карману правящей бюрократии.

При определенных обстоятельствах прекращение экспорта российских энергоносителей в Евросоюз в результате действий “транзитного союза” может быть даже полезным для России, способствовать оздоровлению нашего общества и формированию в нем ответственного перед народом, а значит – эффективного и ориентированного на модернизацию государства.

Варианты будущего

Главное для нас, разумеется, будущее. При всем богатстве возможностей в нем, как мне представляется, следует выделить две принципиально различных роли, которые может сыграть Беларусь: с одной стороны, содействие

в отбрасывании России в питерско-олигархическую азиатчину, с другой – содействие ее модернизации. Разумеется, наличие этих возможностей не исключает и того, что Беларусь может не сыграть вообще никакой роли в будущем развитии России, подобно тому как она не играла ее и в прошлые полтора десятилетия.

А) Беларусь как “Евророссия”

Неспособность российской бюрократии выстроить с Беларусью конструктивные отношения может придать последней специфическую ценность в глазах тех сил на Западе, которые в последние годы все более серьезно задумываются о стратегии “сдерживания России”.

Одной из составляющих этой стратегии может стать превращение Беларуси в своего рода “Европейскую Россию”, соединяющую основные культурные ценности и позитивные поведенческие нормы России с бытовым порядком, рациональным государством и относительно высоким уровнем благосостояния основной части общества.

Конечно, такой проект войдет в некоторое противоречие с курсом президента Лукашенко на развитие белорусской культуры как государствообразующей, однако близость белорусской культуры как с русской, так и с массовой российской сделает это противоречие незначительным.

Для современных западных бюрократий, склонных к применению простых и демонстративных методов, страдающих от идеологизации и бюрократизации, это слишком сложный проект. Однако теоретически в нем нет ничего невозможного. Даже начало его реализации начнет интенсивно вытягивать из России наиболее здоровую – культурную и работоспособную – часть современного российского общества. В результате Беларусь как “Евророссия” станет естественной наследницей и новым воплощением российской цивилизации. При этом в силу незначительных масштабов она не сможет оказывать никакого не только глобального, но даже и регионального влияния.

Российское же общество, в очередной раз за последние сто лет утратившее свою наиболее здоровую часть, будет отброшено в новое Средневековье, новый военно-полицейский феодализм, некую смесь Гаити с Нигерией. Насколько можно судить, именно такое будущее является идеалом для контролирующей российское государство новой олигархии, состоящей из силовиков и бывших либеральных реформаторов. Однако ее власть, насколько можно судить по разворачивающимся в России кризисам управляемости, инфляции и деидеологизации, недостаточно долговечна для реализации этого проекта, даже при продолжении косвенной поддержки Запада.

Б) Беларусь как фактор модернизации

Модернизация – категорический императив современной российской политики. Говоря о ее предпосылках, нельзя забывать о реальных достижениях ряда стран постсоветского пространства, поразительных на фоне общей архаизации и дестабилизации.

Наибольший (хотя и относительно небольшой) интерес в сегодняшней России вызывает эффективная и относительно молодая, хотя и националистическая казахская элита, старательно и целенаправленно выращенная руководством Казахстана буквально “на пустом месте” (насколько можно понять, для решения узко практической задачи – преодоления общего культурного тяготения к худшим проявлениям феодализма).

Однако не менее значимым представляется совершенно неосознаваемый современным российским обществом опыт Беларуси, руководство которой, несмотря на довольно жесткое противостояние с Западом, обеспечивает относительно успешное социально-экономическое развитие своего общества. Особенно очевидными его успехи становятся при сопоставлении с положением, как хозяйственным, так и социальным, граничащих с ней регионов России – Брянской, Смоленской и Псковской областей.

Опыт Беларуси интересен еще и тем, что представляет собой гармоничное продолжение в качественно новых условиях весьма интересного модернизационного проекта еще советских времен, развивавшегося скрытно, но вместе с тем весьма эффективно.

Различные части СССР, как известно, развивались разными темпами, а с начала 70-х годов, когда был сделан системный выбор в пользу отказа от модернизации, и в принципиально различных направлениях.

Хрущев был свергнут правящей бюрократией в первую очередь за стремление к постоянной кадровой ротации, размыванию национальных и региональных кланов внутри руководства КПСС. Он справедливо считал недопущение возникновения таких кланов условием эффективности государственной власти (и неизбежности своей личной), но, отказавшись от репрессивного аппарата, не нашел ему адекватной замены и в итоге был “съеден” этими формирующимися кланами.

Пришедший ему на смену консенсусный лидер Брежнев четко ощущал, кому он обязан своей властью и чего нельзя делать в интересах ее сохранения. В результате именно при Брежневе национальные и региональные кланы оформились как основной структурообразующий элемент правящей бюрократии. Частные попытки разрушить их, предпринимавшиеся в последние годы его правления и в период агонии СССР, носили характер междоусобной клановой войны и, как правило, подрывали позиции одних кланов в пользу других, а отнюдь не самую сложившуюся клановую систему как таковую. В 1986 году казахский клан ответил на попытку ограничения своих позиций организацией массовых беспорядков в Алма-Ате, которые стали первым в Советском Союзе вышедшим из-под контроля государства межнациональным конфликтом, предвестником его распада. Когда кланы окрепли и стали относительно самостоятельными, они с восторгом восприняли возможность выхода из-под контроля Москвы, предоставленную им распадом центральной власти и переходом России под контроль демократической группировки Ельцина.

Впрочем, в брежневский период кланы, являвшиеся носителями феодального или просто коррупционного укладов жизни, а также исповедовавшие националистические подходы, так и не были допущены к реальной борьбе за высшую государственную власть. При всем своем колоссальном влиянии и возможностях они автоматически отсекались от этой борьбы самой бюрократической средой, проявляя свою политическую и административную активность лишь в рамках выделенных им, хотя и достаточно широких, “резерваций”. Антикоррупционные репрессии против них осуществлялись, лишь когда они вольно или невольно подходили к границе выделенных им административных полномочий и даже неосознанно создавали угрозу как для лидирующего клана, так и для власти правящего класса партийно-хозяйственной номенклатуры в целом, общие интересы которого, безусловно, доминировали в практической политике, несмотря на частные внутренние расхождения.

Насколько можно судить, за все время правления Брежнева сложившейся при нем кланово-региональной модели управления как самой КПСС, так и всей страной, было брошено лишь два серьезных вызова.

Первый – в начале 70-х – был связан с именем А. А. Косыгина. Пытаясь во второй половине 60-х годов осуществить хозяйственную реформу с плавным переводом социалистической экономики на преимущественно рыночные рельсы (с соответствующей национальной спецификой подобная реформа была проведена в Китае), Косыгин и его окружение, вероятно, осознали принципиальную невозможность повышения эффективности советской экономики в условиях партийного руководства. Результатом стала подготовка Пленума ЦК КПСС по “возврату к ленинским нормам руководства”, которые должны были заключаться в передаче всей экономической политики в сферу исключительной компетенции правительства и, соответственно, лишении партийных органов всякой возможности вмешиваться в хозяйственное управление.

В силу своей политической наивности эта попытка была обречена на провал, выражением которого стало проведение Пленума ЦК КПСС с беспрецедентным опозданием и с совершенно иной, рутинной повесткой дня. А затем взлет мировых цен на нефть и стремительное разворачивание экспорта нефти и газа сняли с повестки дня вопрос о необходимости комплексной модернизации и позволили Советскому Союзу продолжить экстенсивное развитие, плавно переросшее в застой.

Вторая попытка разрушения регионально-клановой брежневской системы управления – и на ней, в силу ее уникальности и неизвестности, следует остановиться подробнее – была предпринята в конце 70-х годов руководством Белоруссии во главе с Петром Машеровым.

В Белоруссии руководящий клан сложился совершенно необычным образом – из так называемой “партизанской элиты”. Ее костяк был создан еще во время комплексной и весьма глубокой подготовки партизанского движения

перед войной, проведенной советскими спецслужбами. Затем члены этой будущей элиты прошли чудовищную по своей жестокости и масштабу потерь партизанскую войну, не просто привившую им навыки коллективной эффективности и скрытого взаимодействия, но и в прямом смысле слова кровью спаявшей их в единое целое. После освобождения Белоруссии именно командиры партизанских отрядов составили костяк партийно-советской системы управления и непосредственно занялись восстановлением своей страны.

Они научились виртуозно использовать ресурсы Советского Союза для развития своей республики, но при этом оставались в прямом смысле этого слова советскими людьми, стремящимися как к благу для всего Советского Союза, так и к завоеванию власти именно в его масштабах.

В силу не только взаимной поддержки, но и исключительно высокой добросовестности и компетентности представители “партизанской элиты” постепенно заняли целый ряд ключевых постов в руководстве, прежде всего хозяйственном, всего Советского Союза.

Апогеем тихого и практически незаметного продвижения “партизанской элиты” Белоруссии в союзную власть стало принятие в самом конце сентября 1980 года решения о замене Председателя Совета Министров СССР А. А. Косыгина, незадолго до этого перенесшего второй инфаркт (от которого ему не суждено было оправиться), на уже тогда легендарного руководителя Белоруссии П. М. Машерова.

Не случайно в Белоруссии до сих пор засекречены все государственные документы с 1977 года — со времени, когда Брежнев в силу резкого ухудшения здоровья окончательно отошел от реального руководства страной, и “партизанская элита”, по-видимому, начала вплотную готовиться к броску во власть в масштабах всего Советского Союза.

Сегодня не вызывает сомнений, что гибель П. М. Машерова в автомобильной катастрофе 4 октября 1980 года, накануне предоставления ему качественно новой, соответствующей его новому статусу охраны, представляла собой политическое убийство, призванное остановить продвижение “партизанской элиты” к высшей государственной власти. Более того, инерция этого комплексного движения оказалась столь велика, что простого обезглавливания ее было уже недостаточно, результатом чего явилась загадочная гибель в подобных инцидентах еще нескольких ключевых фигур “партизанской элиты”.

Остановив ее ради сохранения у власти наиболее удобной для себя брежневской группировки, правящая союзная бюрократия уничтожила тем самым последний внутренний источник эффективности Советского Союза и обрекла его на распад и бесславную гибель.

Однако разрушение внешнего проекта белорусской “партизанской элиты”, нацеленного на завоевание власти в масштабах Советского Союза и переустройство его по белорусским принципам, не остановило и даже не поколебало ее внутренний проект, нацеленный на модернизацию и развитие самой Белоруссии.

Поразительно, но при анализе советского опыта развития Белоруссии трудно удержаться от ощущения, что она была выбрана в качестве своего рода “советской Шамбалы” — полигона для создания и отладки действительно принципиально нового, советского типа человека и принципиально нового, советского типа общества, гармонично увязывающего этого человека с качественно новым типом общественных отношений. И действительно, Белоруссия была во время Советского Союза и остается по сей день самым советским элементом советской цивилизации.

Возможно, такой проект, как и многие другие, был действительно разработан на общегосударственном уровне ещё при Сталине, а затем реализовывался “по инерции”, в силу закрепленной на уровне социальной памяти и не осознаваемой непосредственно привычки. При выборе Белоруссии, возможно, был учтен не только исключительно спокойный и уравновешенный белорусский национальный характер, но и то, что Белоруссия понесла наибольший ущерб от Великой Отечественной войны, в которой, только по официальным данным, погибла четверть ее населения. Понятно ведь, что максимальный масштаб разрушений означал наибольший масштаб и глубину изменений, которые можно было осуществить в ходе восстановления и реконструкции.

Однако нельзя полностью исключить вероятность и того, что белорусский проект был частной и не разглашаемой инициативой самой “партизанской

элиты” – исключительно волевых и скрытных людей. С учетом опыта их нелегальной и подпольной работы представляется вполне возможным, что они были способны на его реализацию собственными им непрямыми “партизанскими” методами – и даже без формализации этого проекта.

Однако вне зависимости от того, чем именно был этот проект и кем и когда он был инициирован, его проявления не вызывают сомнения.

Так, бесспорно, что в советские годы именно Белоруссия была полигоном для отработки и отладки для последующего применения в масштабах всей страны практически всех современных технологий, для опробования которых ее природно-климатические условия были применимы хотя бы в минимальной сфере.

Это касалось не только промышленных, но и социальных технологий. В частности, в то самое время, когда сельское хозяйство СССР представляло собой в прямом смысле “черную дыру”, а социальные отношения на селе являли собой картину деградации в самом прямом смысле, Белоруссия покрывалась сетью развивающихся агрогородков. При всех их недостатках, на которые справедливо указывали (и указывают) собственно белорусские источники, их отличие от основной части сельскохозяйственной практики СССР (а сейчас России) бросается в глаза. Они значительно опередили свое время – в частности, практическое применение теории “аглополисов” на Западе – и по сей день действительно довольно эффективно соединяют в себе преимущества городской и сельской жизни.

И по сей день производит глубокое впечатление стремление белорусов к сохранению собственной культуры и собственного общества. Так, Белоруссия единственная из стран постсоветского пространства в принципе не допускает к себе строителей- “гастарбайтеров” (да и “гастарбайтеров” в целом), сохранив во многом благодаря этому как этноконфессиональный баланс общества, так и относительно благоприятную социальную атмосферу (так как никто не портит рынок труда готовностью “на любую работу за любую оплату”).

К моменту прихода Лукашенко к власти существенная часть значимых производственных активов Белоруссии и ее недвижимости были переданы в частные руки, золотовалютных резервов не было, налоги собирались крайне плохо, а страна была обременена огромным для нее и притом скрытым внешним долгом: представители демократического руководства тайно взяли от имени государства не один миллиард долларов краткосрочных займов, уже непосильных для тогдашней белорусской экономики.

Поэтому Запад считал, что у Лукашенко нет иного пути, кроме получения новых внешних кредитов и полного подчинения Западу, и он неизбежно пойдет нормальным путем латиноамериканских популистских режимов. Современная ненависть к нему и вызвана главным образом отказом от западного диктата и восстановлением экономики Белоруссии в интересах белорусского общества, без ее подчинения транснациональному капиталу.

Значимую роль в этом сыграл возврат активов, который происходил специфически белорусским способом. Похоже, здесь никому, несмотря на ожесточение политической борьбы, и в голову не пришло объявить приватизаторов “олигархами”, “спекулянтами” и “врагами народа”, как это было сделано, например, в путинской России (причем без массового возврата активов).

Ответственность за несколько сотен предприятий и объектов недвижимости, подлежащих возврату, была разделена между несколькими ближайшими помощниками Лукашенко, в личной честности которых не было сомнений, которые стали вести хотя и жесткие, но все же переговоры с их новыми владельцами.

Если незаконность передачи собственности была очевидна, новому владельцу предлагали просто отдать незаконно полученное имущество, сохранив у себя прибыль от его использования. Если он отказывался, у него отбирали собственность по суду. Поскольку новые владельцы приватизированной собственности хорошо понимали наличие второй возможности, они, как правило, шли по первому пути, добровольно возвращая собственность государству и сохраняя себе не только заработанную на ней прибыль, но и доброе имя.

Однако большинство активов было передано, как и в России, на основе достаточно спорных схем. Чтобы не проводить сложное расследование и не вести длительное судебное заседание, а главное – чтобы сохранить кадры предпринимателей и относительно мирные отношения между ними и государ-

ством, им предлагали, вернув незаконно или полузаконно присвоенные активы, купить аналогичные при полной юридической и коммерческой поддержке государства (в том числе кредитования приобретения этих активов). Поскольку большинство предпринимателей уже успело заработать ощутимые деньги за счет эксплуатации приватизированных активов и не хотело ссориться с государством (а также остро нуждалось в надежной легализации имущества), они шли на соглашение с государством, хотя в целом процесс затянулся на несколько лет.

В результате экономика стала производительной, а не спекулятивной, а государство и бизнес развиваются (при всем понятном и объективно неизбежном, особенно в условиях ограничения демократии, недовольстве друг другом) не просто в мире, но и в тесном сотрудничестве, обеспечивая сравнительно здоровое развитие и нормальное самочувствие всего общества.

Безусловная эффективность Лукашенко, проявляющаяся как в социально-экономической, так и в политической сфере (где он, например, на равных противостоит российской правящей бюрократии, не обладая практически никакими значимыми ресурсами), вызвана, как представляется, именно его опорой на советский белорусский проект.

И сам Лукашенко, и его окружение, и само белорусское общество созданы, сформированы этим проектом и потому, в целом соответствуя друг другу, демонстрируют загадочную для привыкшего к постсоветскому хаосу наблюдателю эффективность и устойчивость.

Да, разумеется, этот проект несет на себе отпечаток не только достоинств, но и недостатков советской цивилизации. Недостаточная инициативность государства в вопросах качественного развития общества, бюрократическая пассивность (проявляющаяся, в частности, в пренебрежении возможностью стать центром разработки новых технологий для России, Украины и Казахстана путем привлечения известных изобретателей и создания им минимальных условий для работы) и ряд других недостатков создают для Белоруссии серьезные стратегические проблемы.

Однако, вне зависимости от ее будущей судьбы, сам факт наличия по соседству "советской Шамбалы" с поистине невероятным потенциалом в области развития и стабилизации – в первую очередь именно общественных отношений – дает России исключительно важные дополнительные возможности для форсированного проведения комплексной модернизации.

Мы можем использовать их опыт, их наработки и их технологии – и это качественно облегчит нашу модернизацию, создав одновременно совершенно новую, созидательную основу постсоветской интеграции.